

типа эллиптические конструкции: *Besser ein reicher Bauer denn ein armer Edelmann; Die Gewaltigen handeln mit Geld, die Schwachen mit Recht; Das Herz im Wein, die Gestalt im Spiegel*. К такому типу можно отнести пословицы, указывающие на противопоставление и имеющие структуру *der eine... der andere*, где противопоставляются не сами явления определенного рода, а обозначенные существительными объекты: *Der eine hat den Genuß, der andere den Verdruß*.

12. Пословицы, в которых указывается на образное отождествление явлений определенного рода: *Absicht ist die Seele der Taat; Das Ansehen ist in den Federn; Der Geizige ist das Roß, das Wein fährt und Wasser trägt*.

Полученные структурно-смысловые типы пословиц, упорядоченные по содержанию их утверждений, мы воздержимся назвать классификацией, поскольку границы смысловых типов в силу самой природы пословиц и выражаемого ими обобщенного содержания мысли, обладают диффузностью.

Таким образом, наш языковой материал образуют пословицы, так или иначе связанные с идеями бытия, тождества и характеристики, анализ которых дает возможность раскрыть нам пути семантического развития определенного типа предложений, представленных в пословицах, а также взаимодействие в их структуре лексического, общеграмматического и коммуникативного значений. В дальнейшем это позволит нам рассматривать пословицу как полифункциональную единицу, открытую для последующего анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пермяков, Г.Л. Грамматика пословичной мудрости (вступительная статья). // Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. Научная редакция Е.М. Мелетинского и Г.Л. Капчица. – М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. – 624 с.
2. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
3. Филиппова, И.Н. Формально-грамматическое и актуальное членение пословиц (на материале немецкого языка): Авторефер. дис. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук: 10.02.04. – Московский пед. университет. – М., 2001. – 34 с.
4. Кашароков, Б.Т. Пословицы русского, немецкого и кабардино-черкесского языков как источник изучения культурно-языкового сознания: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты: Авторефер. дис. на соиск. уч. ст. д-ра. филолог. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2004. – 48 с.
5. Peukes, G. Untersuchungen zum Sprichwort im Deutschen. – Berlin, 1977.
6. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация. // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1973.
7. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: УРСС. – 2003. – 367 с.
8. Бенвенист, Э. Уровни лингвистического анализа. // Общая лингвистика. – М., 1974.
9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999. – 895 с.
10. Simrock Karl. Die deutschen Sprichwörter. – Patmos Verlag, Albatros erlag. – Düsseldorf, 2003. – 630 s.

А.В. Хохлов (Санкт-Петербург, СПбГПУ)

НЕОЛОГИЗМЫ И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АКСЁНОВА

Эффективным способом пополнения и развития словаря носителя русского языка зарубежья является словообразование. Появление новых слов вызвано, прежде всего, социальной потребностью в именовании новых реалий, новых значений, их осмыслением, внутриязыковыми факторами – тенденциями к экономии, унификации, системности языковых средств, варьированию номинаций с различной внутренней формой, этимологией, задачами экспрессивно-эмоциональной, стилистической выразительности. «Свобода словотворчества, не сдерживаемого искусственно политическими и идеологическими тормозами, ведёт к созданию новых слов, и почти каждый деривационный акт оказывается нагруженным когнитивно (то есть несёт некоторый новый понятийный смысл) и нацеленным прагматически и эмоционально, способствуя достижению определённой ответственности на читателя» [1, с. 8]. При анализе текстов художественных произведений В.П. Аксёнова нами было отмечено множество случаев образования новых слов, причём большинство из них является окказиональными. «Окказиональное значение – (лингв.) – значение, не соответствующее общепринятому употреблению, носящее индивидуальный характер, обусловленное специфическим контекстом» [2, с. 351].

Другими словами, окказиональные новообразования – это слова, употреблённые в определённом контексте лишь один раз. Проблема окказионализмов недостаточно изучена: обычно они рассматриваются в составе неологизмов, но многие учёные-лингвисты справедливо отмечают, что окказионализмы, являясь фактами речи, в язык не входят. Освоение языком новых слов происходит по-разному: некоторые из неологизмов очень быстро получают широкое распространение, другие проходят проверку

временем и становятся общепотребительными не сразу, а иногда совсем не прививаются в языке, а иные же навсегда остаются индивидуально-авторскими. Индивидуально-стилистические новообразования по своей художественной значимости соотносимы с тропами: в основе создания и тех и других находится стремление писателя создать образное описание предмета или явления. Подобные неологизмы создаются всякий раз заново, причём следует отметить, что, как правило, автор художественного произведения не имеет своей целью ввести изобретённые им слова в сферу широкого употребления.

Рассмотрим фрагменты текстов произведений В.П. Аксёнова.

«К своим сорока Корбах и без *гебухи* подошёл к серьёзным проблемам»; «Пошла работать *гебеиная* машина слухов, каждый день он узнавал о себе что-то новенькое: разводится с женой, потому что уличён в гомосексуализме, берёт с иностранцев валютой в собственный карман, рукоприкладствует на репетициях, нюхает кокаин, антисоветчик, крадёт творческие идеи, но и самое главное – антипатриот, еврей, в русском театре делает себе капитал на дорогу в Израиль» [3, с. 21].

В образовании выделенных слов наглядно прослеживается авторское отношение к карательным органам, авторская негативная оценка как самого КГБ, так и его функций. Интересной представляется в этой связи модель словосочетания *гебеиная машина слухов* (ср. общеизвестное *машина подавления инакомыслия*), и весь дальнейший текст, расшифровывающий методы работы этой машины; её работы, главной целью которой является дискредитирование инакомыслящих, борьба с ними.

«Вдруг на обоих находило просветление, если можно так сказать о приступах сексуальной романтики. Она приходила в театр, всё ещё молодая. Всё ещё красивая баба *«с блядинкой»*, как тогда уважительно говорили в Москве» [3, с. 22].

Блядинка – окказиональное слово, образованное при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса -инк от слова, относящегося к табуированной лексике с негативной семантикой (женщина, которая ведёт разгульный образ жизни). Однако в представленном текстовом фрагменте полностью исчезает негативное восприятие слова *блядинка* за счёт конструкции *«как тогда уважительно говорили в Москве»* и употребления уменьшительно-ласкательного суффикса.

«Прискорбная история, ничего не скажешь, особенно для советской знаменитости с измученной *вегетативкой»* [3, с. 38]. Выделенное слово также можно отнести к разряду окказиональных. Оно образовано от словосочетания *вегетативная нервная система* по типу *неотложка* (неотложная скорая помощь), *пивнушка* (питьевое заведение).

Необычным является и следующий пример: «Деревья уже начинают желтеть, и багроветь, и *законьячиваться* в глубине рощ» [3, с. 59].

Образование выделенного окказионального глагола связано с именем существительным *коньяк*, который в МАС имеет следующую дефиницию: *«крепкий спиртной напиток, получаемый перегонкой и длительным выдерживанием виноградных вин»*. В авторском новообразовании на первый план выходят цветовая сема и сема образности, отсутствующие в системном значении слова *коньяк*.

«Всё-таки куда ни кинь, а полдюжины *интервьюшек*, хотя бы уж для русской прессы в Большом Яблоке, он потянул бы» [3, с. 37]. *Интервьюшки* – новообразование с уничижительной, презрительной коннотацией от *интервью*.

В данном текстовом фрагменте речь идёт об эмигранте, который рассчитывает на успех, на известность в стране своего нового местожительства. Успеха этого, увы, у главного героя, как и у остальных эмигрантов, нет. Контекстный конкретизатор *«хотя бы уж для русской прессы»* и создаёт уничижительную коннотацию: «Всё было бы хорошо, если бы Кларета однажды ночью не *заведьмовала* и не вылетела в окно, чтобы присоединиться к сонмищу пролетающих над плоскогорьем *ведьмиц»* [3, с. 40]. Выделенные новообразования образованы от *ведьма* префиксально-суффиксальными и суффиксальными способами и актуализируют в составе своей структуры семы интенсивности. Подобные новообразования являются индивидуально-авторскими, поскольку не зафиксированы ни одним толковым словарём современного русского языка.

«Отменный чек лечит *стрессанутого* пострадавшего лучше, чем психотерапевты» [3, с. 95].

Стрессанутый – новообразование от *стресс*, характеризующее человека, перенёвшего определённые физические или моральные потрясения. В структуре лексического значения этого слова актуализируется сема интенсивности, сема эмоциональности и образности. «*Стрессанутый»* и «*пострадавший»* выступают в этом случае как контекстуальные синонимы (*стрессанутый, трахнутый*).

«Однажды все пять часов до Вашингтона ушли у него на *выборматывание* стихотворения из дюжины строк. Чаще, однако, он ничего не *выборматывал*, а только лишь с каждым часом наполнялся всё большим жаром перед свиданием» [3, с. 201].

Выделенные слова образованы префиксальным способом от *бормотания/бормотать*, но в структуре значения этого окказионализма появляется новая сема «с трудом», не зафиксированная в толковых словарях (ср. в МАС: бормотание. Действие по значению гл. бормотать, а также звук этого действия; бормотать, говорить тихо и невнятно).

«Она была из трёх еврейских девушек, о которых *мужиковоковствующий* Есенин однажды сказал, что без них некому было бы читать русскую поэзию» [3, с. 118].

Выделенное слово образовано от прилагательного «*мужиковатый*» (в МАС: наружностью, манерами похожий на мужика – в первом значении – крестьянин, грубоватый, простоватый). Автор, создав данный окказионализм, имел в виду, разумеется, не те качества, которые отмечены как исходные в словарной статье, а подразумевал некую игру Есенина в простоватого мужика, которая помогала ему выжить в чуждой ему городской среде. Компонент «*грубоватый*» утрачивает свою актуальность, а контекстный конкретизатор «*без них некому было бы читать русскую поэзию*» свидетельствует о наличии иронии, чувства юмора у Есенина, что не является качествами грубого, простого человека (*мужиковоковствующий – играющий*).

«Кажется, мне грозит *спермотоксикоз* по вашей вине, мой милый паяц» [3, с. 173].

Образование выделенного слова произошло при помощи сложения основ *сперма+токсикоз*. Несомненно, что в структуре лексического значения этого новообразования иронический компонент играет главную роль (срав. в МАС: токсикоз – мед. Болезненное состояние организма, возникающее в результате действия на него ядов и ядовитых веществ – токсинов; сперма – физиол. Жидкость, вырабатываемая мужскими половыми железами, содержащими половые клетки). Во вновь образованном слове исчезают все компоненты лексического значения, имеющиеся в словарной дефиниции.

Путём сложения основ образован и окказионализм «*жопо-единица*», обозначающий в тексте романа В. Аксёнова «Новый сладостный стиль» лицо женского пола и имеющий в структуре лексического значения в качестве актуализированного иронический компонент.

«Тобой интересуются, постоянно тебя *мониторят*» [3, с. 198].

Образование окказионализма связано со вторым значением слова *монитор*, представленном в МАС: 2. телевизионный экран (телестудия) для контроля за процессом телевизионной передачи. Сема (для контроля) играет главную смысловую роль в процессе образования данного слова: *мониторят* – контролируют (за тобой следят, наблюдают, *мониторят*). В настоящее время английское слово *monitoring* в русской транскрипции *мониторинг* имеет широкое распространение и употребляется в значении: 1. постоянное наблюдение за каким-либо процессом для выявления его соответствия желаемым параметрам или первоначальным предположениям – промышленный мониторинг; 2. наблюдение за состоянием окружающей среды [4]. Вероятно, А. Аксёнов был первым, кто стал употреблять это слово в таком варианте.

Интересными, на наш взгляд, являются и новообразования «*блэдис*» и «*жантильомы*» в речи одного из персонажей, идущие от официального английского обращения «*леди и джентльмены*». При образовании первого слова автор, естественно, подразумевал табуированное слово «*бляди*», имеющее негативную семантику. Сарказм героя вызван ещё и тем обстоятельством, что он плохо овладел английским языком, хотя и находился в США уже достаточно продолжительное время. Постоянное недовольство самим собой, окружающими, условиями жизни в стране пребывания и есть проявление ментальности социума русского зарубежья, о чём неоднократно писали С. Довлатов, Д. Савицкий, А. Зиновьев.

Мы не будем в данном разделе описывать все случаи зафиксированных новообразований. Отметим только, что в романе В. Аксёнова «Новый сладостный стиль» их обнаружено более ста пятидесяти. Нами сделана попытка описания лишь самых ярких, на наш взгляд, примеров. При описании мы не везде руководствовались хрестоматийной квалификацией по типам способов словообразования, поскольку они представляются довольно стандартными. Большинство отмеченных нами новообразований являются, как указывалось выше, окказиональными. Однако ещё А. Потебня говорил о том, что создание автором слова – это только первый случай употребления данного слова. И вполне вероятно, что многие (не все) слова, созданные В. Аксёновым, войдут в активный словарь современного русского литературного языка.

Использование иноязычных слов, недостаточно освоенных языком и глубоко не вошедших в его активный словарь – процесс, который в одинаковой мере можно зафиксировать и в текстах русского зарубежья, и в текстах писателей, проживающих в России. Но следует иметь в виду, что иноязычные слова, которые используются нашими соотечественниками за рубежом, это не те слова, которые используются в России. Собственно иноязычные вкрапления, входящие в русский текст на языке оригинала, современные исследователи также включают в данный разряд единиц ассоциативно-вербальной сети.

«Именно единицы, маркируемые как заимствования, наиболее ярко отражают территориально-варьирующиеся влияния инационального окружения носителей русского языка, будь то французская, английская или немецкая языковая среда» [1, с. 9].

Проанализируем некоторые фрагменты текстов произведений В. Аксёнова, в которых используются передаваемые русской графикой иностранные слова.

«Конечно, в банке по-прежнему течёт ВМПС (великий, могучий, правдивый, свободный русский язык. – А.Х.), но сквозь эти текучие поля то и дело прорываются партизанствующие отряды английского, и язык мой, грешный и лукавый, то и дело как-то там к небу прижимается специфически, даже пытается русский увалень. Отделить «d» от «t» на конце слов, когда вокруг топочет несусветная гопа здешних народов: все эти *чиканос*, и *карибиенс*, и *эйшиетикс*, и *кокэйжнс*, которых тут иной раз без церемоний называют «*уайт-трэши*», то есть (белое дерьмо)» [3, с. 84].

«Браво! – воскликнул Саша – из Нью-Хемпшира до Калифорнии! *Ить из э лонг уэй индид*. Ему давно уже казалось, что стоит только прибавить «*индид*», как будет звучать словно настоящий американский «англо». Вы откуда, *май бой?*» [3, с. 87].

Употребление иноязычных слов в приведённых фрагментах свидетельствует о ещё плохом знании английского языка одного из героев произведения. Но, как замечает Е.А. Земская в статье «Ещё раз о языке русского зарубежья», в отличие от представителей первой волны эмиграции, которые пытались сохранить русский язык как неотъемлемую часть русской культуры, и надеялись на возвращение в Россию (и поэтому не особенно старались овладеть языком страны пребывания), представители третьей волны эмиграции всячески стараются овладеть языком страны приюта, чтобы не остаться чужаками и быстрее влиться в новую социальную среду.

Необычными представляются иноязычные вкрапления, имеющие в своей основе готовые речевые штампы.

«Приветствовали друг друга на новый, но уже укоренившийся манер, вместо «*хау ар ю даунг тудей*» («как твои дела») говорили «*хау ар ю дайинг тудей*» («как ты умираешь сегодня»), имея в виду философский аспект жизни как непрерывного умирания. В ответ полагалось оптимистически хохотнуть: «*айм дайнинг файн*» («я умираю прекрасно!»).

Эти иноязычные вкрапления свидетельствуют о своеобразии менталитета жителей Европы и США. Европейцы и американцы относятся к смерти несколько иначе, нежели русские, более философски. Смерть для них – не трагедия в силу того, что в большинстве своём они люди религиозные и верят в загробную жизнь, смерть для них – естественное продолжение жизни, но в иных, неземных, условиях (в этом прослеживается отличие американского менталитета от русского).

Анализируя использование иностранных слов в текстах писателей русского зарубежья, можно сделать вывод о том, что многие эти слова употребляются для названия предметов, явлений и жизненных реалий, которые не имеют соответствующих эквивалентных наименований в русском языке (*грин-карта*, *велфер*, *фуд штамп*, *хайвей*, *амбулани*, *чейсинг*). Большую часть заимствований составляют слова, которые можно было бы передать и по-русски, но при этом мы бы наблюдали процесс большой утраты коннотации (*инглиш*, *сабвей*, *кар*, *трак*, *гёрлз*, *бой*, *бэби* и т.д.).

Особую группу слов составляют заимствования, имеющие русские соответствующие эквиваленты, но являющиеся жизненно важными и социально значимыми для американцев. Отсюда их высокая частотность употребления, в силу чего достаточно легко вытесняются русские соответствия (*кэш* – наличные деньги, *билл* – счёт, *кар* – машина, *лайф* – жизнь, *сэйл* – распродажа, *кампус* – студенческий городок, *белив ми* – поверьте мне).

Малочисленную группу составляют слова, которые по звуковой форме полностью совпадают с заимствованиями, имеющимися и активно функционирующими в русском языке, но несколько отличающимися от них по своей семантике (*госпиталь* – военная больница – больница; *резюме* – краткие выводы – краткие анкетные данные).

Следует также отметить незначительное количество иноязычных слов и выражений, которые употребляются для так называемого «колора», для того чтобы показать, как владеют эмигранты иностранным языком (*дискрит Колумбия* – округ Колумбия, *шопинг* – поход в магазины за покупками, *коп* – полицейский, *лав ми* – люби меня).

Таким образом, мы можем сделать вывод: основная функция иноязычных слов, которые передаются русской графикой – стилистическая, то есть они создают своеобразный эффект «привязки дискурса к новому месту пребывания носителя русского языка и акцентируют явное или неявное противопоставление русского и нерусского» [1, с. 9].

Семантическое переосмысление и появление новых словесных значений в русской эмигрантской литературе является довольно активным процессом в исторической эволюции языка. Учёные выделяют несколько типов переосмысления: наличие и функционирование отрицательных коннотаций в словах, представленных в текстах зарубежных русских писателей, которые считались положительными до перестройки; отрицательную коннотацию приобретают также слова, имеющие в структуре своего лексического значения идеологический компонент, советские политические термины, идеологически окрашенные слова. С другой стороны, слова, обозначающие явления и факты, которые осуждались официальной советской идеологией, лишаются своей отрицательной коннотации и приобретают либо оттенок семантической нейтральности, либо несут в себе положительную коннотацию.

Граница, определяющая лексическую и синтаксическую сочетаемость слов и изменяющая значение лексических единиц, из которых состоят словосочетания, довольно непрочно и относительно условна. Нарушения семантического и синтаксического согласования могут приводить к возникновению словосочетаний, необычных как для русского читателя, так и для восприятия русскоязычными читателями.

В произведениях В. Аксёнова мы обнаружили достаточно большое количество таких примеров: *поросячье ненастье, эстрадно-магнитофонная слава, петух шестидесятых, сбалансированный сотрудник, номенклатурная опала, гипнотическое фигурное катанье, железнобетонное десятилетие, аппаратный либерал, селёдочно-баклажанная вечеринка, сексуальный тоталитаризм, стабильность расквасилась*. Необычность такого рода словосочетаний говорит о расширении семантики слов разных лексико-грамматических классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М., 1989.
2. Словарь иностранных слов. М., 1981.
3. Аксёнов, В.П. Новый сладостный стиль. М., 1997.
4. Васюкова, И.А. Словарь иностранных слов. Правильное употребление и синонимы. М., 1998.

Т.І. Тулуш (Мінск, МДЛУ)

ТЫПЫ СКЛАДА НА ЗАЛЕЖНЫХ СКАЗАЎ ПРЫ РЭАЛІЗАЦЫІ ЗНАЧЭННЯ ІНТЭНСІФІКАЦЫІ ПРЫМЕТЫ Ў АНГЛІЙСКОЙ МОВЕ

Намінацыі *інтэнсіўнасць, інтэнсіфікацыя* тэрміналагічна абазначаюць адлюстраванне ў мове сродкамі ўсіх узроўняў працэсу павелічэння ступені праявы якаснай ці працэсуальнай прыметы. Інтэнсіфікацыя суадносіцца з паняццямі *норма, колькасці, меры, ступені, градуальнасці, экспрэсіўнасці* і інш., разглядаецца ў розных аспектах і з разнастайнымі намінацыямі: *інтэнсіўнасць, інтэнсіфікацыя, акцэнтаванне, узмацненне, градуальнасць*. Прадмет нашага даследавання складаюць сістэмна-структурныя і функцыянальна-семантычныя характарыстыкі складаназалежных сказаў меры і ступені, параўнання і мэты як сродкаў выяўлення інтэнсіфікацыі прыметы ў англійскай мове. Паняцці *інтэнсіўнасць* і *інтэнсіфікацыя* ўжываюцца ў нашым даследаванні як тое самае, але другі тэрмін падкрэслівае дынамічны аспект інтэнсіфікацыі – працэс узмацнення ступені праявы прыметы ў супастаўленні са статычным аспектам – яе вынікам. Разгляд структур сінтаксісу, які з'яўляецца сістэмай сродкаў і правілаў стварэння адзінак маўлення («маўленне актыўнае і дынамічнае» [10, с. 414]), абумоўлівае большую адпаведнасць мэтам і задачам нашага даследавання намінацыі *інтэнсіфікацыя*.

Інтэнсіфікацыя разглядаецца намі ў адпаведнасці з прынцыпамі функцыянальнай граматыкі А.У. Бандаркі. Зыходную сістэму паняццяў гэтай мадэлі складаюць тэрміны *семантычная катэгорыя, функцыянальна-семантычнае поле, катэгорыяльная сітуацыя. Семантычная катэгорыя* (СК) – гэта «семантычная канстанта, што выступае ў варыянтах моўнага значэння і выяўляецца рознымі сродкамі выказвання» [1, с. 12]. Агульная семантычная функцыя аб'ядноўвае моўныя адзінкі ў парадigmatyчную структуру – *функцыянальна-семантычнае поле* (ФСП). Рэалізацыя ФСП у маўленні тэрміналагічна абазначаецца як *катэгорыяльная сітуацыя* (КС), што з'яўляецца «праекцыяй поля на выказванне» [6, с. 12]. *СК інтэнсіўнасці* – асобная праява катэгорыі колькасці, «выяўленне высокай ступені якасці альбо інтэнсіўнасці дзеяння ці стану» [5, с. 122], «прасторва-часовае быццё якасці ў форме ступені» [7, с. 3]. Ядро поля інтэнсіўнасці складае граматычны клас слоў – прыслоўі меры і ступені [2, с. 8]: *very, extremely, completely, too, many/much/more/most, great, so, such, that, to a great extent* і інш.

Ступень праявы прыметы выяўляецца і шляхам выкарыстання сінтаксічных адзінак. У сістэме англійскай мовы іх інвентар з'яўляецца добра распрацаваным і ўключае: выклічнікі (іх функцыяй з'яўляецца выяўленне эмоцый), клічныя сказы, эмфатычныя словы *such* і *so*, паўторы, лагічны націск на дапаможным дзеяслове (на «аператары») ці ядзерны націск на іншых словах сказа, прыслоўі меры і ступені і іншыя спосабы выяўлення ступені, лексічныя сродкі інтэнсіфікацыі пыталных сказаў і вынясенне адмоўнага элементу на пачатак сказа ў адмоўных выказваннях; клічныя пытанні, рытарычныя пытанні [11, с. 170].

Мы дапускаем, што ў англійскай мове наменклатуру сінтаксічных сродкаў інтэнсіфікацыі, апроч названых вышэй, складаюць наступныя тыпы складаназалежных сказаў: меры і ступені, параўнання, мэты. Моўца выкарыстоўвае апісанне іншай сітуацыі для канкрэтызацыі ступені інтэнсіфікацыі. На памер павелічэння ступені праявы прыметы ўказваецца ўскосна, апісальна.